

ИНДИВИДУУМ И ОБЩЕСТВО

*М.А. КРАСНОВ,
П.М. КРАСНОВ*

К разработке Индекса охраны человеческого достоинства

В статье обосновывается необходимость признания человеческого достоинства высшей гуманитарной ценностью, а также поднимается проблема поиска конституционно-правового содержания этого понятия. Выдвигается идея разработки специального индекса, с помощью которого можно было бы осуществлять мониторинг степени охраны человеческого достоинства в разных странах.

Ключевые слова: человеческое достоинство, честь и достоинство, высшая ценность, умаление прав, правовые и социальные стандарты.

In article discusses necessity of a recognition of human advantage as a high humanitarian value, and also discovers the problem of search of the constitutionally-legal maintenance of the concept. The idea of working out of a special index which helps making possible to carry out monitoring of degree of protection of human advantage in the different countries is put forward.

Keywords: human advantage, honor and advantage, supreme value, belittling of the rights, legal and social standards.

“Бог не желает погубить душу
и помышляет, как бы **не отвергнуть
от Себя и отверженного**”

(2 Цар. 14: 14)

Человеческое достоинство как высшая ценность

В иерархии конституционно-правовых ценностей человеческое достоинство (достоинство личности¹), без сомнения, является высшей. В качестве *формальных* оснований этого тезиса можно напомнить прежде всего, бычто Преамбула Всеобщей дек-

¹ Строго говоря, эти два понятия не всегда совпадают, если иметь в виду, что в психологическом смысле личность может быть разрушена (в силу психического заболевания, алкоголизма, наркомании и др.). Тем не менее обычно эти понятия употребляются как тождественные. Так они и будут здесь рассматриваться. И разумеется, человеческое достоинство не следует путать с чувством собственного достоинства, хотя, как будет показано ниже, такая путаница – довольно распространенное явление.

Краснов Михаил Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права факультета права Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.

Краснов Павел Михайлович – научный сотрудник Института экономики переходного периода им. Е.Т. Гайдара.

ларации прав человека², принятой ООН в 1948 г., начинается со слов: “Принимая во внимание, что признание *достоинства, присущего всем членам человеческой семьи...* (курсив во всех цитатах наш. – Авт.)”, а первая же статья этого документа провозглашает: “Все люди рождаются свободными и равными в своем *достоинстве и правах*”.

Если же обратиться к Конституции РФ, то, несмотря на наличие ст. 21, говорящей об охране достоинства личности, скорее, нужно указать на ст. 2, провозглашающую человека, его права и свободы высшей ценностью. Почему? Потому что **первичной и неделимой сущностью публично-правового понятия “человек” является именно человеческое достоинство** – самое специфичное свойство человека, которое не позволяет рассматривать его в качестве чьего бы то ни было *средства*. Собственно говоря, здесь пролегает весьма древний водораздел между двумя фундаментальными мировоззрениями, рассматривающими индивида лишь как часть целого (рода, племени, класса, государства), либо, напротив, как самостоятельную ценность, как имеющего обязанности по отношению к целому, но отнюдь не сливающегося с ним и потому обладающего способностью спорить с этим целым. Понятно, что идея человеческого достоинства укладывается только в это второе мировоззрение. Один из его видных сторонников – Б. Чичерин в свое время совершенно верно заметил, что “каждое разумное существо *есть само по себе цель*; оно не должно быть низведено на степень простого средства” [Чичерин, 2006, с. 16]. Сместе утверждать, что даже *демократия, правовое и социальное государство, права и свободы и т.д. имеют смысл лишь постольку, поскольку являют собой материальные и формальные условия для обеспечения человеческого достоинства*. Конституция РФ в ст.2 потому и объединяет понятия “человек” и “его права и свободы” в единую высшую ценность, что в современном мире обеспечение достоинства личности немислимо без обладания правами и свободами³.

Конституционный суд РФ в первом же своем решении (от 3 мая 1995 г. № 4-П), где фигурировало понятие “достоинство личности”, сказал о том же, хотя и в более юридизированной форме: “Личность в ее взаимоотношениях с государством выступает *не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект*, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов” (Собрание законодательства РФ, 8 мая 1995 г., № 19, ст. 1764).

У вывода о человеческом достоинстве как высшей ценности есть и основания, так сказать, *метафизического* характера. Из первых же стихов Священного Писания (Быт, 1, 27–28) следует, что земной мир был дарован не коллективу, не государству, а человеку, который был произведен как главное действующее лицо, а не чье-то средство. Даже нарушение первыми людьми единственного запрета, хотя и изменило духовную и биологическую сущность человека, однако не отменило главного – того, что *человек остался образом и подобием Бога*. Христианское богословие обычно подчеркивает, что Бог наделил сотворенного Им человека свободой воли. Так, св. Иоанн Дамаскин пишет: “Если человек сотворен по образу блаженного и пресущественного Божества, а Божество *свободно и имеет волю по естеству*, то и человек, как образ Божества, *свободен по естеству и имеет волю*” (цит. по [Православно-догматическое... 1868, с. 132]). Конечно, это так. Но образ и подобие Божие заключаются не только в свободе. Святой авва Доротея (прибл. V в.) говорит: „Сказано: по образу, поелику Бог сотворил душу *бессмертной и самовластной*, а по подобию – относится к добродетели” [Преподобного... 2008, с. 155]. Не просто о свободе (воли), а о *самовластии* ведет речь святой подвижник, то есть о свободе властвовать собой, в которую органически

² Нормативный материал, в том числе международно-правовые акты, и судебные решения в настоящей статье проанализированы с помощью Справочной правовой системы “КонсультантПлюс”.

³ Представляется в целом верным подход, при котором «юридическая категория “достоинство личности” раскрывается через набор тех личных прав и свобод, которые в конкретном обществе гарантируются каждому человеку» [Конституция ... 1997, с. 145]. Другое дело, что речь должна идти не только о личных, но и о других правах и свободах, в том числе социальных.

вплетено понятие ответственности. Иными словами, Творец сообщает человеку образ и подобие Своего абсолютного и ненарушимого *достоинства*. Вот откуда выводится высшая ценность человеческого достоинства, которое неуничтожимо даже при обращении человека ко злу.

Христианство вдохнуло в идею достоинства человека новую жизнь. Мы могли бы привести множество доказательств этого со ссылками на Евангелия, апостольские Послания и труды Отцов Церкви. Но для краткости процитируем современного публициста: «Не стоит нашим идеологам слишком пренебрежительно относиться к человеческой жизни, забывая о том, что *Христос приходил на землю спасти именно человека, а вовсе не государство, нацию, расу, идеологию*. И что именно за это (за то, что в центр своей проповеди он поставил человека) его и распяли “государство”, “нация”, “идеология” в лице тогдашней Римской империи, иудейских патриотов и фарисеев» [Можегов, 2007].

Однако, несмотря на такое место и значение человеческого достоинства, о нем обычно вспоминают, если вообще вспоминают, лишь в ряду иных ценностей (“через запятую”). Это понятие так и не вошло в современный дискурс политико-правовых и социальных проблем. За обсуждением путей и способов достижения экономического процветания, демократии, прав и свобод идея человеческого достоинства как-то потерялась. Возможно, и по той причине, что это понятие многими воспринимается как трудно формализуемое, слишком размытое и проч. Конечно, это так. И все же именно **ценность человеческого достоинства является высшей ценностью!** Верно заметил немецкий государствовед П. Хеберле: “Принцип достоинства индивида – *фундаментальная норма государственного строя*, более того, он образует *основу конституционно организованного общества* и создает многомерное защищенное пространство, оберегающее его конституционно-правовое достояние от грозящих опасностей” [Хеберле, 1994, с. 16].

Допускаем, что для многих людей эта ценность не представляется такой уж фундаментальной. Наверняка есть те, кто либо сознательно соглашается с государственным произволом, дискриминацией, отсутствием свободы и т.п. ради “гарантированного” материального достатка, либо просто не будут считать все это унижением своего достоинства. Как с болью писал В. Ерофеев, “основная мерзость русской жизни – не хамство, даже не отношение к человеку как к говну, но *негласное согласие на продолжение недостойной жизни и стремление к ее оправданию*” [Ерофеев].

Реальность вроде бы подтверждает эти слова писателя. Но является ли такое “негласное согласие” национальным архетипом или это все же некий выработанный способ выживания?

Обречена ли Россия на потестарный тип культуры?

В. Четвернин, обрисовывая два социокультурных типа цивилизации – правовой и потестарный, говорит, что “культура домонгольской Руси была ранней культурой правового типа, с доминирующей городской субкультурой, и формировала цивилизацию наподобие античного полиса, но была уничтожена, Русь стала сельской страной, и новая, русско-татарская этнокультурная группа создала уже *цивилизацию потестарного типа*”. Из этого он делает пессимистичный вывод (в форме согласия с другим автором), что “институциональные изменения далеко не всегда возможны, и для *российской социокультуры не характерно стремление к экономической и политической свободе*” [Четвернин, 2009, с. 57, 61–62]. Подобная позиция в отечественной литературе весьма распространена, причем ее выражают как либералы, так и консерваторы; как социологи, философы, экономисты, историки, так и юристы (см. [Пастухов, 2008, с. 6; Карпец, 2006, с. 59]).

На наш взгляд, сформировавшийся за последние 20 лет характер взаимоотношений общества и государства на самом деле свидетельствует не об отторжении обществом правовой парадигмы развития, а лишь о степени адаптивности нашего народа. Он

просто *вынужден приспособливаться к уродливо выстроенной институциональной системе*. Так что, хотя на нынешнюю реальность и оказывает влияние социокультурный фактор, в не меньшей мере она обязана и *институтам, которые объективно консервируют потестарную культуру* [Краснов, 2008].

Не спорим: предлагая изменения в институциональном пейзаже, мы обязаны учитывать социокультурный фактор. Но *учитывать*, а не выводить из него фатальную обреченность страны. Причем учитывать, вопреки Г. Гегелю, не для того, чтобы сервильно предлагать политической элите все новые обоснования сущего, а для того, чтобы институциональные изменения не были отброшены или дискредитированы ввиду своей, так сказать, излишней экзотичности.

Представляется, что ведущей идеей, которая способна противостоять воспроизводству потестарного типа культуры, является как раз **идея охраны человеческого достоинства**. Почему именно она? Да потому, что жажда человеческой самореализации, стремление человека быть уважаемым, восприниматься как личность служат мощнейшим стимулом, скорее даже источником колоссальных общественных преобразований. Бытует представление, что советскую власть на фоне ослабления ее репрессивных скреп смела массовая устремленность к “европейским стандартам”, выражавшаяся в лозунгах демократии и рыночной экономики. Однако мы уверены, что эти лозунги были приняты обществом только как вербальные знаки гораздо более сильного мотива, который кто-то не умел, а кто-то стеснялся (видимо, ввиду его “ненаучности”) выразить словами – *неизбывной жажды уважения к человеку*. Жажды, особенно зримой в России (она слышится даже в бытовом расхожем вопросе подвыпившего человека: “Ты меня уважаешь?”). Как справедливо подметил тогдашнее общее настроение Г. Мальцев, “вера в право вспыхнула в России” [Теория... 1995, с. 30]. Однако это была не вера в более понятные, разумные и стабильные юридические нормы. Это не была и вера в более широкие рамки свободы, о которой мечтали, кстати, далеко не все. То была вера в такой строй жизни, когда можно быть уверенным: ты не будешь, как букашка, раздавлен катком “государственной машины”, власти не будут тебя считать бессловесным скотом. Другими словами, вспыхнула вера в возможность защитить свое человеческое достоинство. Печально констатировать, что эта вера стала быстро угасать и в наши дни почти угасла.

Достоин ли человек достоинства?

В угасании такой веры винить кого-то бессмысленно. Нужно просто пытаться исправлять ошибки в постановке целей, в выборе приоритетов и инструментов. И для начала согласиться с тем, что научное невнимание к проблематике человеческого достоинства привело к тому, что мы не очень-то понимаем, каково конституционно-правовое содержание этого понятия.

Нельзя же, например, считать, что оно раскрыто в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, гласящей: “Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам” (эти запреты как бы раскрывают провозглашенный в ч. 1 ст. 21 принцип охраны государством достоинства личности). Ясно, что угроза человеческому достоинству, если исходить из правового смысла данного понятия, кроется отнюдь не только в прямом насилии и использовании человека в качестве “подопытного кролика”. Конституция привела эти проявления унижения человеческого достоинства, скорее всего, лишь как *наиболее очевидные и вопиющие*. Неопределенность понятия достоинства личности констатируют и немецкие ученые. Как заметил Хеберле, “несмотря на существование обширной практики Федерального конституционного суда ФРГ, до сих пор не выработано достаточно четкой и удобной формулировки относительно того, как следует понимать достоинство человека” [Хеберле, 1994, с. 14]. Действительно,

за понятием человеческого достоинства стоит весьма широкий и разнообразный круг благ, и это существенно затрудняет выработку дефиниции.

В поисках содержания понятия “человеческое достоинство” авторы сначала обратились к толковым и энциклопедическим словарям, ища в них, естественно, слово “достоинство”. Правда, к нашему удивлению, его не оказалось в словарях В. Даля 1880–1882 гг., Ф. Брокгауза и И. Ефрона 1890–1907 гг. (о “достоинстве” говорится лишь при толковании слова “честь”). Не оказалось его ни в Советском энциклопедическом словаре 1979 г., ни в Философском энциклопедическом словаре 1983 г. Там же, где термин “достоинство” есть, его трактовки явно не соответствуют той идее, о которой мы говорим. Так, в Словаре русского языка С. Ожегова приводятся четыре значения “достоинства”: 1) положительное качество⁴ (в том числе неодушевленного предмета); 2) совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе; 3) стоимость, ценность денежного знака и 4) титул (например, графское достоинство) (см. [Ожегов, 1975, с. 163]). Таким образом, “достоинство” выступает только в качестве *положительного* свойства или набора свойств. Тем самым как бы признается, что достоинство не имманентно человеку (не всякий, так сказать, “достоин иметь достоинство”). Любопытно, что и в знаменитом энциклопедическом словаре Н. Вебстера значения английского слова “dignity” примерно такие же: 1) величественность, высокое происхождение; 2) высокая должность, чин, титул, священнический сан; 3) лица, занимающие высокий пост; 4) состояние или качество – превосходный, достопочтенный; 5) степень продвижения по службе, ранг, то есть и здесь “достоинство” в целом основано на понятиях “достоин” или “удостоен”.

Упорное словарное определение понятия “достоинство” через некие положительные качества привело к мысли, что мы упустили из виду одно важное обстоятельство: существительное, дополненное прилагательным или другим существительным, может приобрести иной смысл. В научной литературе, однако, такое различие либо не замечается, либо игнорируется, либо оправдывается. В частности, В. Крусс считает, что «полисемия понятия “достоинство” как социальной категории предопределяет универсальность и одновременно *многозначность содержания конституционной категории “достоинство личности”*» [Комментарий... 2009, с. 216]. Другими словами, из многозначности понятия “достоинство” выводится и многозначность “человеческого достоинства”. На самом деле, **между понятиями “достоинство” и “человеческое достоинство (достоинство личности)” есть принципиальная разница**. Она состоит в том, что достоинство вообще – это, действительно, некое положительное свойство (положительная характеристика) человека или предмета, которое можно утратить. Иное дело – *человеческое достоинство, имманентное индивиду*, то есть свойство неотчуждаемое, неистребимое. Понятно, что оно производно от “достоинства” вообще. Но не лингвистически, а сущностно: в “человеческом достоинстве” также заложена идея *положительности*, но уже онтологической, ибо она выводится, как уже было сказано, из того, что человек обладает бессмертной душой и сотворен по образу и подобию Бога, Который есть абсолютное благо. Поэтому, в отличие от приобретенного достоинства, достоинство личности *не зависит* от образа жизни, рода занятий, социального статуса, поведения индивида и, соответственно, от его оценки окружающими. **Никто не может быть признан лишенным человеческого достоинства** – где бы ни родился, каким бы асоциальным⁵ или даже антисоциальным ни был.

К сожалению, общепринятая смысловая нагрузка понятия *достоинства* нередко затеняет суть понятия *человеческого* достоинства. В Основах учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека⁶ совершенно справедливо утверждается, что понятие

⁴ В Словаре антонимов русского языка слово “достоинство” вообще трактуется только как “положительное качество”, поскольку его антонимом является “недостаток” (см. [Введенская, 1995, с. 158]).

⁵ Например, психологи выявили, что ребенок, с грудного возраста росший среди зверей (“синдром Маугли”), уже не способен к социализации. Тем не менее он остается человеком и уже поэтому обладает правоспособностью.

⁶ Приняты Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 26 июня 2008 г. (<http://www.pravoslavie.ru/news/080627163553>).

достоинства личности имманентно человеческой природе в силу Божественного сотворения человека (I. 1). Но затем проблема переводится в русло приравнивания “достоинства” к “достоинствам”: абсолютность человеческого достоинства не отрицается, но как бы ставится под сомнение. Это видно в словах о том, что недостойная жизнь человека “помрачает его настолько, что оно (достоинство. – Авт.) становится *мало-различимым*. Именно поэтому *требуется большое напряжение воли*, чтобы увидеть, а тем более *признать природное достоинство тяжкого преступника или тирана*” (I. 4). Здесь мы встречаемся с некоторой двойственностью восприятия достоинства человека: с одной стороны, оно неразруσιμο, с другой – зависит от образа жизни самого индивида. Мы, разумеется, говорим не о безнаказанности преступников, а лишь о том, что и за ними должно признаваться человеческое достоинство, из чего следует, в частности, запрет издевательств над ним.

Конечно, одна из задач Церкви как раз и состоит в том, чтобы убеждать человека в стремлении приблизить себя к образу и подобию Творца. И уж, как минимум, человек не должен терять эти образ и подобие, превращаясь в скота. В покаянном каноне к Иисусу Христу есть яркое сравнение: “*Якоже бо свинья лежит в калу, так и аз греху служу*”. Однако поскольку Основы учения о достоинстве, свободе и правах человека направлены на осмысление не только сугубо религиозных, но и светских понятий, постольку, на наш взгляд, стоило более выпукло показать не только взаимосвязь, но и специфику двух ценностей: с одной стороны, нравственного совершенствования (самосовершенствования) личности, то есть превращения ее во *все более достойную* Первообраза, с другой – недопустимости *умаления достоинства* любого, даже самого недостойного человека со стороны государства и общества. Тем более, что именно это соответствует смыслу христианского учения, о чем говорили и Отцы Церкви, например Иоанн Златоуст и Блаженный Августин. Последний, в частности, писал: “Если мы немощного человека недолюбливаем за порок, делающий его немощным, то давайте помнить о Том, Кто ради этого немощного умер” [Библейские... 2006, с. 111].

Мы, однако, не собирались разделять понимание проблемы человеческого достоинства на “религиозное (церковное)” и “светское” – хотя бы потому, что право в онтологическом смысле базируется на нравственности, которая, в свою очередь, покоится на вполне определенных религиозных императивах. Но одно дело – сущность права, другое – *пределы допустимости регулирования, методы формулирования норм и их охраны*.

Когда мы говорим о человеческом достоинстве **в нравственном аспекте**, то исходим из того, что *от самого человека зависит, насколько он ценит свое достоинство (и ценит ли), насколько готов (и какими способами) его защищать*. Так, святые праведники, совершая подвиг смирения, с терпением переносили любые унижения или даже радовались им. Или вспомним, например, несчастного Акакия Акакиевича Башмачкина: «Молодые чиновники подсмеивались и острились (так у Гоголя. – Авт.) над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же перед ним разные составленные про него истории; про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докуч он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: “*Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?*”» [Гоголь, 1984, с. 115–116].

Впрочем, пример с гоголевским героем, быть может, не вполне яркий, поскольку сам Акакий Акакиевич тоже почти не осознавал свое достоинство. Но вот иной типаж, описанный А. Куприным: студент, покончивший жизнь самоубийством из-за слишком обостренного чувства собственного достоинства. В предсмертном письме своему другу он написал: “Если бы ты знал, как робею я и стесняюсь перед монументальными городовыми, перед откормленными, мордатými петербургскими швейцарами, перед

барышнями в редакциях журналов, перед секретарями в судах, перед лающими начальниками станций! Когда мне однажды пришлось свидетельствовать в участке подпись, то один вид толстого пристава с рыжими подусниками в ладонь, с выпяченной грудью и с рыбьими глазами, который все время меня перебивал, не дослушивал, на минуты забывал о моем присутствии или вдруг притворялся не понимающим самой простой русской речи, – один его вид привел меня в такой гадкий трепет, что я сам слышал в своем голосе заискивающие, рабские интонации” [Куприн, 1912, с. 298].

Когда же речь идет о человеческом достоинстве **в правовом смысле**, то *мнение человека о себе не имеет никакого значения*. Даже если человек почитает себя за “ничто”, как это принято в православной аскезе, в правовом отношении *его человеческое достоинство остается равным другим людям*. Хорошо мысль об имманентности достоинства любому человеку выражена, например, в комментарии И. Петрухина к ст. 21 Конституции РФ: “Ни преступление, повлекшее заключение правонарушителя в тюрьму или колонию, ни обездоленность и нищета, заставляющие просить милостыню, ни тяжкая, позорная, по общепринятым представлениям, болезнь (душевное или венерическое заболевание, СПИД и т.п.) – ничто не может служить основанием для умаления достоинства личности” [Конституция... 1994, с. 138]⁷.

Есть, однако, и сторонники иного подхода, которые исходят из того, что достоинство приобретается и, соответственно, может быть утеряно. Весьма ярко такой подход выразил, например, П. Кондратов, утверждающий, что человек не может быть умален в своем достоинстве, но лишь “до того момента, как он будет признан виновным в совершении преступления, что нашло отражение в целом ряде положений уголовно-процессуального законодательства” [Комментарий... 2002, с. 143]. В качестве критики такой позиции приведем вновь мнение Петрухина, добавленное им в более поздних изданиях Комментария: “*Особенно остро* стоит вопрос о защите достоинства личности в тех местах, *где человек оказывается “в чужой власти”*, то есть становится объектом воспитания, лечения, государственного или военного управления с его чинопочитанием и строгой дисциплиной (школа, больница, тюрьма, армия, чиновничья служба). Личность, ограниченная в правах или поставленная в служебную либо иную зависимость, особенно нуждается в уважении ее достоинства» [Конституция... 2003, с. 210].

К тем, кто воспринимают человеческое достоинство как “субъективную категорию”, можно отнести и авторов Комментария к Конституции РФ, изданного Институтом законодательства и сравнительного правоведения, в котором нетрудно увидеть противоречие: с одной стороны, “достоинство любого человека подлежит защите *независимо* от его действительной социальной ценности”, а с другой – “под достоинством личности понимается *осознание* человеком и окружающими факта обладания *неопороченными* нравственными и интеллектуальными качествами” [Комментарий... 1994, с. 84]. Повторим: человек может попросту не ощущать, что обладает какими-то “неопороченными нравственными и интеллектуальными качествами”, вообще не иметь чувства собственного достоинства, но само достоинство личности от этого не становится меньше.

Наконец, есть мнения, которые сложно отнести к той или другой группе. Так, в Краткой философской энциклопедии говорится, что “достоинство *человека* является выражением его личностной ценности” [Краткая... 1994, с. 144]. Понимать это можно и как имманентную ценность, и как ценность приобретенную. М. Баглай и В. Туманов утверждают, что «достоинство личности – качество человека, равнозначное праву на уважение и обязанности уважать других. Оно достигается развитием личности, осознанием свою свободу, равенство и защищенность. Достоинство превращает человека из объекта воздействия в активного субъекта правового государства, которое дает

⁷ В том же ключе рассуждает и Т. Москалькова, указывая, что “под умалением достоинства личности понимается такое действие, поведение кого-либо, которое в оскорбительной форме представляет человека менее значимым, причиняя ему таким образом нравственные страдания” [Научно-практический...1997, с. 106].

человеку право на самооценку, на “самоопределение” и охраняет его выбор жизненных ценностей» [Баглай, Туманов, 1998, с. 131].

Во-первых, авторы как бы выводят формулу: “*достоинство = право на уважение + обязанность уважать других*”. Оставляя в стороне спорность понятия “право на уважение”, скажем лишь, что последнее “слагаемое” здесь лишнее. Речь, подчеркнем, не идет об исключении из правового статуса индивида обязанности уважать других людей. Принцип, обязывающий соблюдать права и свободы других (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ), как раз исходит из *равного достоинства всех*. Но, следуя строгой логике, при такой трактовке придется признать, что человек, не уважающий чужое достоинство, теряет и право на свое. А это не так. Не уважая чужое достоинство, человек может уронить свою *честь*, нанести ущерб своей *репутации*, но имманентное ему достоинство сохраняется. И во-вторых, по этой дефиниции выходит, что если человек *не развивается* и *не осознает* свою свободу, равенство и защищенность, он также теряет (или не приобретает) достоинство. Однако государство обязано охранять человеческое достоинство и людей с психическими отклонениями.

В Словаре по конституционному праву достоинство личности понимается в двух смыслах: в объективном – это “признание и уважение личности со стороны окружающих, в субъективном – чувство собственной личности, осознание своего общественного положения” [Конституционное... 2001, с. 139–140]. Но и с этим определением нельзя согласиться в полной мере. Во-первых, “объективный смысл” на поверку оказывается не таким уж объективным, коль скоро человеческое достоинство ставится в зависимость от его признания и уважения *другими* людьми. Во-вторых, “субъективный смысл” – это не само человеческое достоинство, а только его осознание. Однако такого осознания может и не быть, например, в силу того же психического расстройства.

“Защита чести и достоинства” – смешение понятий

Идея достоинства как имманентного человеку свойства весьма слабо прослеживается в отечественном законодательстве. Если обобщить, можно сказать, что понятие “достоинство” чаще всего употребляется в качестве синонима “чести”. Судя по всему, “пионером” такого смешения понятий стал Гражданский кодекс РФ (Ч. I), а вслед за ним в таком же духе стали трактовать достоинство и иные акты, в том числе Уголовный кодекс РФ⁸.

Несмотря на то, что Конституция РФ разделяет между собой понятия достоинства (ст. 21) и чести (ст. 23), Гражданский кодекс РФ, напротив, их объединяет, что видно из п. 1 ст. 152: “Гражданин вправе требовать по суду опровержения *порочащих* его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности”. Тем самым покушение на достоинство включается в состав диффамации⁹. Такой характер этого гражданско-правового деликта подтверждается и Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц” (п. 7), где подчеркивается, что необходим “факт *распространения* ответчиком сведений об истце, *порочащий характер* этих сведений и *несоответствие их действительности*”.

⁸ В Уголовном кодексе РФ содержатся как общий запрет применять наказания, унижающие человеческое достоинство (ст. 7), так и составы преступлений, где унижение человеческого достоинства является элементом объективной стороны преступления. Такова, в частности, ст. 110 “Доведение до самоубийства”. В то же время и в УК РФ понятия “честь” и “достоинство” частенько смешиваются. Например, в комментариях к ст. 110 сказано, что систематическое унижение человеческого достоинства – это, среди прочего, распространение о человеке ложных слухов (см. [Уголовное... 1996, с. 35]).

⁹ В равной степени это относится и к уголовно-правовому способу защиты чести и достоинства, закрепленному в ст. 129 Уголовного кодекса РФ (“Клевета”). Кстати, не очень понятно, по каким признакам можно отличить диффамацию в гражданском праве от клеветы – в уголовном.

Причем “при отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом” (Бюллетень Верховного суда РФ, 2005, № 4).

Таким образом, Гражданский кодекс РФ понимает “достоинство личности”, вопреки его же ст. 150, не как принадлежащее человеку от рождения нематериальное благо, а как субъективную *оценку человека своего*¹⁰ *положительного образа*. Тем самым “достоинство” перестает быть отличимым от понятий “честь”, “доброе имя”, “репутация”. Но в том-то и дело, что честь, в отличие от достоинства, – не прирожденное свойство, она может приобретаться и теряться. Нельзя поэтому согласиться с Круссом, который *под достоинством* понимает “сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании, что позволяет отграничить достоинство от чести, понятие которой выражает *оценку внешнего (объективного) порядка*” [Комментарий... 2009, с. 217]¹¹. Все как раз наоборот: понятие “честь” в большей степени выражает внутреннюю положительную оценку самим человеком (самооценку), нежели внешнюю. В русском языке это выражается в таких, к примеру, оборотах и поговорках, как: “потерять честь”, “береги честь смолоду” и т.п. Характерно, что во многих европейских языках слово “честь” (в частности, в английском – *honour*) происходит от латинского *honor*, которое означает честь, но именно в смысле *приобретенной ценности*: почет, почесть, почетная должность (отсюда, например, доктор *honoris causa*), почетная награда и даже украшение (см. [Подосинов, Козлова, Глухов, 2001, с. 136]).

Такое смешение понятий отнюдь не безобидно, поскольку, если следовать логике, гражданские дела “о защите достоинства” фактически исчерпываются только случаями диффамации. Выходит, что, например, скрытую съемку интимной жизни человека и публичный показ соответствующих кадров следует считать не унижением человеческого достоинства, а лишь причинением морального вреда. Разумеется, и в последнем случае наступает ответственность. Однако для укоренения в обществе ценности человеческого достоинства важно, чтобы именно эта ценность фигурировала в качестве объекта особой охраны со стороны государства.

Начальный подход к разработке методики построения Индекса охраны человеческого достоинства

Этим целям – укреплению в общественном сознании и политическом дискурсе ценности человеческого достоинства, выработке более тонких и эффективных механизмов охраны и защиты данной ценности – и должен служить предлагаемый нами **Индекс охраны человеческого достоинства (Индекс ОЧД)**. Введение его в регулярную социальную практику, на наш взгляд, будет способствовать “легализации” самого понятия человеческого достоинства как главной гуманитарной ценности. Ведь это понятие хотя и фигурирует в некоторых конституциях, тем не менее не приобрело той же степени напряженности общественного внимания, какую имеют, скажем, понятия “демократия” или “права человека”. И кроме того, Индекс ОЧД, будучи регулярно измеряем, позволит видеть динамику усилий государства по обеспечению достоинства личности, получать страновые и внутристрановые (региональные) сравнения в этой сфере. На наш взгляд, степень развитости любой страны в мировом соревновании

¹⁰ Порядок, при котором защита чести и достоинства гражданина допускается по требованию заинтересованных лиц (если потерпевший умер, является несовершеннолетним или недееспособным), не меняет сути данного вывода.

¹¹ Почти так же трактуются данные термины некоторыми представителями науки уголовного права: “Честь – это нравственная категория, которая связывается с оценкой личности в глазах окружающих и отражает конкретное общественное положение человека, род его деятельности, и признание его моральных заслуг. Под достоинством же, которое тесно связано с честью, понимается особое моральное отношение человека к самому себе и характеризующее его репутацию в обществе (благоразумие, мировоззрение, нравственные качества, образование и уровень знаний, соблюдение правил общежития и достойный образ жизни и др.)” [Уголовное...1996, с. 63].

вообще должна определяться, в первую очередь, по тому, насколько в ней защищено человеческое достоинство.

Но *что* именно придется измерять? Ведь, во-первых, как верно утверждается в литературе, достоинство личности – “это юридическая категория с *социально-исторически изменяющимся содержанием*. Она наполняется конкретным содержанием в конкретной правовой культуре” [Конституция... 1997, с. 146]. Действительно, если когда-то, например, телесные наказания учеников в школе были в порядке вещей, то теперь они воспринимаются не иначе, как ущемление достоинства личности учащегося. Или: если в Средние века пытки были обычным методом добывания доказательства вины при уголовном преследовании, то сегодня считаются одним из вопиющих нарушений достоинства личности. Следовательно, хотя само человеческое достоинство является абсолютным, индикаторы его нарушения – категория относительная.

Поэтому первым шагом должен стать поиск неких современных социальных, политических и правовых **стандартов**, гарантируемых государством. Среди *социальных стандартов*, несоблюдение которых унижает человеческое достоинство, можно назвать, к примеру, отсутствие жилья или проживания в антисанитарных условиях, бараках, хижинах, аварийных домах; отсутствие материальных средств, необходимых для достойного существования; невозможность получить среднее образование. К *политическим стандартам* современного мира мы бы отнесли, в частности, широту и реальность выбора (на муниципальных, региональных и федеральных выборах). Ведь человеческое достоинство страдает либо вообще от отсутствия выбора, либо от того, что выбор радикально сужен в сравнении с существующими стандартами, ибо государство как бы говорит гражданину: “от тебя ничего не зависит”.

Однако если говорить о социальных стандартах, то соответствующие социально-экономические показатели охватываются понятием “социальное государство” и учитываются при составлении некоторых других индексов. Поэтому предлагаемый индекс не учитывает социальные стандарты. Политические стандарты мы также (во всяком случае, на первых порах) предлагаем исключить из Индекса ОЧД, поскольку, с одной стороны, их несоблюдение унижает скорее гражданское, а не человеческое достоинство, с другой – такого рода стандарты все же в большей мере зависят от типа культуры данного общества, поэтому их сравнение может оказаться некорректным. Остаются лишь **правовые стандарты**, которые мы и предлагаем положить в основание Индекса ОЧД.

Следующий шаг – определение таких правовых стандартов, от несоблюдения которых может пострадать человеческое достоинство. Здесь мы предлагаем исходить из того, *в каких “зонах контактов” человеческое достоинство подвергается наибольшим испытаниям*. На наш взгляд, это те “места”, где, по уже процитированному замечанию Петрухина, «человек оказывается “в чужой власти”». К таким “зонам” он относил школу, больницу, тюрьму, армию, публичную службу. При определении Индекса ОЧД эти “зоны” будут служить агрегированными показателями. Однако названные пять наиболее уязвимых, с точки зрения человеческого достоинства, показателей стоит дополнить еще четырьмя.

1. Отношения людей *с полицией и иными юрисдикционными органами*. Как правило, именно здесь наиболее вероятен произвол. Ведь, если можно так сказать, служители функции государственного принуждения в большей мере подвержены соблазну продемонстрировать свою власть. И часто подобные демонстрации приобретают формы, откровенно унижающие человеческое достоинство.

2. Положение человека *в судебном процессе*. Главным образом, речь идет о гарантиях состязательности и равенства сторон. Поскольку судебная защита прав личности в идеале – важнейшее и наиболее эффективное средство охраны человеческого достоинства, постольку нарушение принципов состязательности (равенства сторон) в судебном процессе не только не позволяет охранять достоинство личности, но и само по себе является его унижением. Судебный произвол гораздо более опасный и более мерзкий, нежели даже произвол в отношении человека со стороны иных органов

государства, ибо суд – как раз та последняя инстанция, которая призвана защищать достоинство личности.

3. Отношения человека с *гражданскими государственными и муниципальными служащими*. Под такими отношениями имеются в виду, в частности, время, затрачиваемое на общение с чиновниками; число посещений административного учреждения в расчете на один документ; уровень вежливости; доступность информации; степень физической комфортности в учреждении. Ведь чиновник – либо по своему равнодушию, либо даже сознательно способен поставить гражданина в унижительное положение.

4. Наконец, охрана человеческого достоинства естественно включает в себя собственно *реакцию государства* (ее скорость и эффективность) на нарушения достоинства личности, что также необходимо измерять.

Таким образом, предлагаются **следующие агрегированные показатели, необходимые для измерения Индекса ОЧД:**

- отношения учащегося с учителями в школе, преподавателями в вузе и представителями администрации образовательных учреждений;
- отношения пациента с медицинским персоналом и представителями администрации лечебных учреждений (поликлиник и клиник);
- отношения человека, отбывающего наказание, с сотрудниками и администрацией учреждений исполнения наказаний;
- отношения военнослужащего с командирами;
- отношения служащего с вышестоящими руководителями в рамках публичной службы (гражданской, военной, правоохранительной);
- отношения человека с полицией и иными юрисдикционными органами, имеющими полномочия кратковременного лишения свободы (задерживать и арестовывать);
- гарантии состязательности и равенства сторон в судебном процессе;
- отношения человека с государственными и муниципальными служащими в процессе исполнения ими своих должностных функций;
- качество и быстрота реакции соответствующих органов публичной власти на факты нарушения (ущемления) достоинства личности.

Для определения Индекса ОЧД мы позаимствовали методику, применяемую Economist Intelligence Unit (EIU) для измерения Индекса демократии (Democracy index)¹², сочтя ее оптимальной¹³. Согласно этой методике, по каждому конкретному показателю дается качественная оценка экспертами¹⁴ (EIU привлекает до 50–60 экспертов), которая конвертируется в числовую по шкале (1–0), где: ответ “нет” означает 0; “затрудняюсь ответить” – 0,5; “да” – 1. В нашем случае каждый из девяти названных агрегированных показателей разбивается на вопросы, то есть уже *конкретные показатели* (их выявление – отдельная экспертная задача).

Суммируя все ответы по одному агрегированному показателю, умножая их на 10 и деля на количество вопросов в данном показателе, можно получить *среднюю оценку* по каждому из агрегированных показателей. Таким образом, общий Индекс ОЧД будет определяться как среднее арифметическое значение оценок по всем агрегированным показателям. Соответственно, значение “10” будет означать максимально возможную

¹² См., например: Democracy index 2010. Democracy in retreat. A report from the Economist Intelligence Unit (<http://www.eiu.com>).

¹³ Нельзя сказать, что количественная оценка правовых явлений широко применяется, но она не является и чем-то новым. Например, в книге Т. Морщаковой и И. Петрухина предложен метод шкалирования, с помощью которого можно оценивать качество процессуальной деятельности судей (см. [Морщакова, Петрухин, 1987]). На самом деле этот метод был разработан еще в середине 1970-х гг. (см. [Морщакова, 1976]). Правда, данная методика предполагает введение “весов”, что, на наш взгляд, не нужно для выведения Индекса ОЧД.

¹⁴ Конечно, было бы желательно, чтобы Индекс определялся не только по экспертным оценкам, но и путем социологических опросов граждан. Но мы понимаем, что это весьма дорогостоящий метод. Поэтому на первых этапах можно ограничиться только оценками экспертов.

степень охраны человеческого достоинства, а “0” – минимальную, то есть полное отсутствие такой охраны.

Разумеется, как предлагаемые показатели, необходимые для измерения Индекса ОЧД, так и сама методика могут вызвать критику. Но мы не настаиваем именно на данных показателях и методике. Свою задачу мы видели лишь в том, чтобы убедить в необходимости разработки такого индекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баглай М.В., Туманов В.А.* Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998.
- Библиейские комментарии Отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Т. VII. Первое и Второе послания к Коринфянам. Тверь, 2006.
- Введенская Л.А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов-н/Д., 1995.
- Гоголь Н.В.* Шинель // *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 7 т. Т. 4. М., 1984.
- Ерофеев В.* Энциклопедия русской души (http://thelib.ru/books/erofeev_venedikt/enciklopediya_russkoy_dushi-read.html).
- Карпец В.И.* Реформы и право в России: история и современность // Реформы и право. Сб. статей. М., 2006.
- Комментарий к Конституции Российской Федерации /Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2009.
- Комментарий к Конституции Российской Федерации /Под общ. ред. В.Д. Карповича. М., 2002.
- Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994.
- Конституционное право. Словарь. М., 2001.
- Конституция Российской Федерации. Комментарий /Под общей ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994.
- Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий. М., 1997.
- Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий /Под ред. и с вступительной статьей акад. Б.Н. Топорнина. М., 2003.
- Краснов М.А.* Рождение российской конструкции власти: соотношение объективного и субъективного // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 1.
- Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
- Курпин А.И.* Река жизни // *Курпин А.И.* Полн. собр. соч. В 9 т. Т. 1. СПб., 1912.
- Можегов В.* Христос пришел спасти человека, а не государство // Портал GlobalRus.ru. 28.09.2007 (<http://globalrus.ru/opinions/784292/>).
- Морщакова Т.Г.* Оценка качества рассмотрения уголовных дел на основе шкалирования // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 6. М., 1976.
- Морщакова Т.Г., Петрухин И.Л.* Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам). М., 1987.
- Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации /Под ред. В.В. Лазарева. М., 1997.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1975.
- Пастухов В.* Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2.
- Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А.* Латинско-русский словарь. М., 2001.
- Православно-догматическое богословие Д.Б. Макария, Архиепископа Харьковского. Т. 1. СПб., 1868.
- Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. М., 2008.
- Теория права и государства. Учебник для вузов. М., 1995.
- Уголовное право России. Особенная часть. Учебник /Под ред. проф. А.И. Рарога. М., 1996.
- Хеберле П.* Достоинство человека как основа демократической государственности // Государственное право Германии. В 2 т. Т. 2. М., 1994.
- Четвернин В.А.* Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М., 2009.
- Чичерин Б.Н.* Общее государственное право. М., 2006.